18+

Юрий Михайлов

Прощай, детство — здравствуй, жизнь…

Юрий Михайлов

Прощай, детство – здравствуй, жизнь…

«Издательские решения»

Михайлов Ю.

Прощай, детство – здравствуй, жизнь… / Ю. Михайлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831860-3

Взросление подростка с окраины — путь тернистый, тем более, страна не оправилась после войны, живётся тяжело, надо помогать семье… В 16 лет школьник становится рабочим, получает первую зарплату, находит новых друзей, встречает первую любовь… Угораздило его влюбиться в дочку руководителя области, которая тоже полюбила этого самобытного и талантливого парня. Страшная трагедия разлучила их на три года. Выдержат ли испытания влюблённые, которым казалось, что они дня не смогут прожить друг без друга…

ISBN 978-5-44-831860-3

© Михайлов Ю.
© Издательские решения

Содержание

1. Прощай, лето! 6
2. Урок Серафимы 10
3. Сколько стоят розы? 15
4. Агитбригада 19
5. Пути – дороги 24
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Прощай, детство – здравствуй, жизнь… Юрий Михайлов

© Юрий Михайлов, 2016

ISBN 978-5-4483-1860-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Прощай, лето!

То, что Александр Витальевич – учитель физики в ШРМ (школа рабочей молодёжи) знали многие в пионерском лагере, в его кружок «Умелые руки» пацаны буквально ломились. В клубе с выставки поделок смотрели на них макеты первого паровоза Кулибина, работающие речные шлюзы, спутники земли, неопрокидывающиеся шахматы и шашки, десяток забавных атрибутов для показа фокусов. Дети любили учителя, хотя одевался он неаккуратно, ходил медленно с палкой – после войны носил тяжёлый протез, много курил, а иногда от него даже водочкой попахивало. Но таких лучистых и добрых серых глаз не было ни у одного из воспитателей: он мог часами разговаривать с пацанами, сидя на скамейке у фанерного павильона, где размещался его кружок, и выстругивая из заготовок липы ложки, клоунов или матрёшек.

С Лёшкой они познакомились на рыбалке, у самодельного бассейна на неширокой реке, где почти шестнадцатилетний подросток числился помощником физрука, следил за сохранностью инвентаря: спасательных кругов и длинных верёвок с тугими грушами на конце. Середину бассейна, собираемого после весеннего паводка из досок, регулярно чистили, выгребая вёдрами и баками с кухни песок и тину. Здесь, на глубине, и гуляла по утрам крупная щука, плотва да голавли. До бассейна Александр Витальевич более-менее спокойно добирался на протезе: рыбак он оказался давний и заядлый. Сидя на раскладном стульчике, легко справлялся с двумя удочками, а вот с жерлицами, которые надо ставить к осоке, прямо в воду, получалась заковыка. Тут-то бескорыстно, за азарт, рыбаку и помогал Лёша: с вечера или рано утром расставлял снасти, регулярно проверял катушки или рогатинки с живцами, тащил из воды попавшуюся на крючок рыбу. Вопль, крики, радость неописуемая, когда она трепыхалась на стальном поводке. Так вот и подружились они, солдат-инвалид и десятиклассник Лёшка, стали не разлей вода. Учитель знал, что подросток из многодетной семьи, где отец недолго пожил после войны, и что школа не первый раз направляет его в пионерлагерь бесплатно. Но сейчас 10-класснику вышагивать в пионерском строю, как-то неприлично бы выглядело. Поэтому на линейке всех отрядов Алексея Сапрыкина официально объявили помощником физрука, Сергея Ивановича, в прошлом – мастера спорта по велогонкам.

– Лёш, а что в десятом-одиннадцатом классах собираешься делать? – как-то спросил учитель подростка.

– Надо профессию получить, мы уже год на токаря учимся…

– И что, будешь ещё два года на станочника учиться? А как мама на это смотрит? Не тяжело ей одной-то тащить семью?

– Тяжело, конечно, но она ни в какую не хочет, чтобы я в ремесленное переходил. У нас полдома в ремеслухе, шустрый народ, почти все на учёте в милиции…

– Я вот подумал-подумал… Что хочу тебе предложить. Переходи-ка ко мне в ШРМ, с сентября я как раз буду вести два десятых класса, правда, не физику, а математику. Но это неважно, в «Б» даже классное руководство поручили. С комбинатом я переговорю, у меня в кадрах есть бывший ученик. Тебе когда шестнадцать-то будет?

– В августе…

– Хорошо. За сентябрь всё и уладим. На комбинате – большие ремонтные мастерские, станочники аж в три смены работают. За четыре-пять месяцев наставник обучит тебя на второй разряд и плыви дальше. А вечерами – ко мне, в школу. У нас, конечно, народ взрослый, усталый и серьёзный, знания хотят по-настоящему получить, с ними не забалуешь. Глядишь и аттестат добудем, а, брат мой, Пушкин?

– Хорошая идея… Но надо с мамой поговорить.

– В пересменок и посоветуешься, август доработаем здесь, а в сентябре – подключим все наши связи. В шестнадцать-то лет не больно берут на работу, конечно, хлопот много, особый

режим труда и тд. Но не пропадём. Зато год сэкономишь, до армии, по сравнению с твоими одноклассниками, можешь два раза в институт поступать. Хотя я знаю, учишься ты хорошо, мне музыкант рассказал, он ведь из вашей школы… Господи, да мы все здесь комбинатовские: и школа, и ШРМ, и садики, и фабрика-кухня, и медсанчасть. Целый посёлок нас, многие друг друга в лицо знают.

Так и порешили: а до окончания смены в пионерлагере ещё оставались последняя помывка в бане, торжественная линейка, костёр с концертом худсамодеятельности и прощальный вечер танцев для старших отрядов.

***

Июль катился к закату, птицы щебетали уже только по утрам, спускаясь с густых высоких елей прямо на спящие веранды, где за тонкими фанерными перегородками посапывали дети. Синички всех мастей скакали по перилам, вороны и даже сороки прогуливались по вытертому сотнями ног полу, искали в щелях между досок крошки хлеба, жучков и личинок.

– Кыш-кыш, проклятущие, не дают детям поспать! – особенно громко шипела на каркающих ворон и сорок уборщица тётя Маруся, специально громыхая вёдрами, чтобы разогнать наглых, привыкших к ней птиц. Потом она вязала из сосновых веток два плотных веника и начинала выметать веранду. Пыли не было, утренняя свежесть наполнялась запахами хвои. Дверь в комнатку посредине веранды бесцеремонно открывалась и жёсткая ладонь уборщицы теребила русые волосы на голове подростка. – Лёш, а Лёш, вставай, сынок, чай, сам просил разбудить пораньше-то, чтоб до Виталича на реке оказаться… Ой, и что это тебя несёт, да почти каждое утро-то. Спал бы да спал, сил молодых набирался! А этот чёрт безногий, приучил парнишку к рыбалке… Ладно бы уж рыба была, а то так, баловство одно!

– Спасибо, тёть Марусь… Щас встаю, уже проснулся… Только минутку ещё. – И начиналась игра в поддавки: уборщица ворчала, подросток отвечал, что уже встаёт и снова засыпал.

– Всё, ухожу в другой конец веранды, не встанешь, уже некому будить…

Только после этих слов Лёшка поднимался с узкой панцирной койки, быстро надевал плавки, трико и майку, вытаскивал из дальнего угла комнаты трёхлитровый бидон с карасиками-живцами, за которыми специально ездил на велосипеде в деревню на пруд, и бежал к реке. Туман клочьями висел на еловом лапнике, клубился на просеке до самой низины, где стремительно кружила воронками речка: неширокая, но глубокая, капризная, чистейшая и рыбная, на удивление всех приезжающих сюда рыбаков. На большой поляне, через которую река бежала разливом, разрешалось купаться всем, кому ни попадя: приезжим рабочим, деревенским пацанам, родителям-варягам, которые без разрешения почти каждый день объявлялись у ворот пионерлагеря. Но Лёшка мчался влево по руслу, где за поворотом начиналась стремнина. Здесь каждый год и строили деревянные прочные мостки для бассейна. Пляжа как такового не было: взгорок из глины с песком, лужайка, поросшая осокой, клевером да мать-и-мачехой, а дальше – орешник, созревавший к концу августа толстыми зелёными плодами из двух и больше орехов. Объедались всем лагерем.

Лёшка открыл замок на фанерном сарае, стоящем у кустов, вытащил спасательные круги и канаты, развесил инвентарь на щиты, укреплённые на берегу, и только после этого достал жерлицы: сначала дело, потом – рыбалка. Забросил восемь жерлиц, на это ушло минут сорок времени, в руках оставались две, счастливые, которые он опускал в самое глубокое место реки. Смотрелись они смешно, даже нелепо: в плавательном бассейне стоят удочки с наживкой. Но именно здесь, на глубине, недавно попались щука в три килограмма и окунь-красавец почти на килограмм.

Когда дело было сделано, мальчишка снял одежду, разбежался и бросился в бассейн, долго плыл под водой, вынырнул, опять ушёл на глубину. Плескался минут двадцать. Потом

вернулся в сарайчик, принёс зубную щётку и пасту, почистил зубы, намылил голову мылом и – снова в бассейн.

– Ну, тюлень, всю рыбу распугал, – сказал Александр Витальевич, потихоньку взбираясь по ступеням. – Сяду-ка я на стремнине, вот кузнечиков мне поймали мальчишки, порыбачу на голавля. Уж, больно гуляли они вчера.

Лёшка помог учителю снарядить удочки, спросил:

– А сколько времени, как там с завтраком?

– Проспал ты завтрак, парень… Поздно поднялся, наверное, дети уже на купание скоро придут. На-ка хлеба да пару котлет я тебе прихватил, чтоб с голоду не умер… – Александр Витальевич достал из кармана вельветовой тёплой рубахи свёрток, протянул Алексею. – Водички попей из реки, она у нас чистая…

***

За поворотом реки раздавались детские голоса: первыми, по расписанию, на поляну пришли младшие отряды. Лёшку они не беспокоили: купайся на здоровье, малышня, здесь не бассейн, до русла – метров 10—12 мелководья, вожатые и воспитатели справлялись с порядком сами. Он уселся на край настила, развернул бумагу с завтраком и стал уплетать котлеты, иногда наклоняясь к воде, пил её большими глотками.

– Уносит! Течение уносит… – донеслись крики с поляны.

Учитель и Лёшка одновременно повернули головы к повороту реки. Из – за кустов на спортивном велосипеде выскочил физрук, Сергей Иванович. Бросив машину, влетел на ступеньки, встал на поперечных мостках, держась за поручни. Не поворачивая головы, крикнул:

– Лёх, беги ко вторым мосткам, стой на подстраховке! Их двое, пацанов. Я постараюсь перехватить у передних досок… Господи, только бы сумели ухватиться за них!

Первым к бассейну подплыл, видимо, старший мальчик. Он махал руками, крутил головой. Перед настилом его развернуло, ударило затылком о брёвна. Растерялся пацан, опустил руки в воду, медленно пошёл ко дну. Его переломленное и уменьшенное в воде тело затянуло под настил. Сергей Иванович, не снимая тренировочного костюма, плюхнулся в воду, попытался встать на ноги, но глубина не позволила сделать этого. Тогда он стал кружиться на месте, ожидая, когда мальчишка выплывет, но прошло две минуты, а пацан не появлялся на поверхности воды.

– Вижу! – заорал во всё горло Лёшка, – он впереди вас, Сергей Ваныч!

И, не медля ни секунды, Лёшка побежал к физруку. Тот услышал крик, выскочил на полметра из воды, согнулся пополам и ушёл в глубину. Первой из воды показалась голова мальчика: он судорожно хватал ртом воздух, потом начал махать руками, пытаясь дотянуться до бокового настила. И вдруг его тело буквально взлетело над водой и плюхнулось на доски. Затем показалась голова физрука, мощные руки медленно втащили туловище на настил.

– Лёша, Серёжа… Ко мне! Пока держу малыша, – учитель лежал на животе, рядом валялся раскладной стульчик, в руках – клюшка с большой изогнутой рукояткой, которой он и поддерживал голову малыша над водой. В этом месте течение ослабевало настолько, что едва кружилось у досок, к которым и прибило мальчика. Похоже, он уже не дышал. Лёшка подбежал к учителю первым, спрыгнул в воду, встал на ноги, осторожно поднял тело мальчугана и положил на настил. Александр Витальевич перекатился на бок, подсунул палку под спину мальчика и стал, как домкратом, поднимать его вверх. Голова утонувшего перевалилась на правую сторону, рот открылся, по всему телу прошли конвульсии. Изо рта брызнул фонтанчик воды.

– Ну, маленький, ну, давай, помогай себе, – причитал учитель, – кашляни, чихни… Лёш, пожми ему грудь, а я ещё палкой поддомкратлю, – они начали сжимать и отпускать грудь малыша, из носа и рта снова побежала вода. Физрук подскочил и в секунду улёгся у тела маль-

чика, зажал ему нос, стал дышать в рот. На третьем-четвёртом вдохе малыш широко открыл глаза, и только потом застонал и начал учащённо дышать.

– Есть!! – заорал дурным голосом физрук. – Он дышит!!

Лёшка видит будто в кино: учитель как-то нелепо ползёт по настилу, волоча за собой тяжеленный протез и пытаясь выловить из воды клюшку. Старший из мальчишек старается усидеть, прижавшись к вертикальному стояку у перил, но его всё время клонит вправо и нет сил, чтобы удержать тело. Физрук поднимает младшего на руки и несёт к сараю для хранения инвентаря: там есть койка, на которую можно уложить мальчика, плита с газовым баллоном, где кипятят воду для чая. А из-за поворота реки бегут две женщины – воспитатель и вожатая малышового отряда – и в голос ревут, оплакивая утонувших питомцев.

***

После тихого часа к Лёшке из города на шикарном красном мотоцикле ЯВА приехал одноклассник, Димка Елохов, сын главного инженера мехзавода. Сзади его, в кожаной куртке и спортивной шапочке, восседала Танька Задонская, староста из параллельного десятого «А», одновременно – дочка начальницы пионерлагеря. Её почти неодушевлённо и безнадёжно любил Алексей, но об этом никто, включая саму избранницу, не знал. Вечером Лёшка на танцы не пошёл. Он всё время думал о мальчишках, которые, по вине этих дур – воспитательниц, чуть не утонули. Учитель не появлялся на людях: они с физруком, как сказал музыкант, пили водку.

Сразу после танцев Димка попросил одноклассника погулять пару часов, подышать свежим воздухом, а сам удалился с наездницей классного мотоцикла в Лёшкины скромные «апартаменты». Алексей ночевал в сарае на берегу реки…

2. Урок Серафимы

Полсентября Лёшка бегал по делам, благо погода стояла почти летняя, только по утрам холодный туман с реки подступал к посёлку. В школе он объявил, что идёт работать на комбинат, но документов пока не брал из канцелярии директора. Завуч по старшим классам Ольга Владимировна, которая явно симпатизировала десятикласснику, мягко пыталась отговорить Лёшу: два года пролетят незаметно, полноценный аттестат да плюс намекнула на возможность получения золотой – серебряной медали, когда можно попасть в институт без экзаменов. Друзья-товарищи опять же старые, говорила она, дорогого стоят, пока новых приобретёшь, ни один пуд соли съешь: и солёной, и даже горькой.

Но «вечный двигатель», который по – серьёзному хотел бы изобрести подросток и к запуску которого приложил руку учитель ШРМ Александр Витальевич, уже невозможно было остановить. Ещё летом в разговорах на рыбалках Лёшка поверил ему, бывшему солдату, честному и доброму по отношению к мальчишкам человеку, учителю. Он уже тогда твёрдо решил, что придёт в школу к Александру Витальевичу и будет работать: хватит сидеть на шее у мамы. Она родила Лёшку поздно, случилось это неожиданно для всех после возвращения отца с войны по инвалидности. И сейчас сыну шестнадцать, а маме уже можно на пенсию уходить. Но денег в семье катастрофически не хватает и поэтому она до сих пор моет и моет полы в четырёхэтажном доме культуры комбината.

Милиция обещали выдать паспорт к середине месяца. В ШРМ он пришёл в белой рубашке, благо, солнце грело по-летнему, новых парусиновых брюках тёмно-кофейного цвета, бордовых полуботинках, купленных мамой в отсутствии сына за полцены, и не в подростковой, как раньше, а в секции для взрослых обувного магазина. Она специально держала сохранённым чек, чтобы ботинки можно было, паче чаяния, обменять. Но всё подошло тютелька в тютельку. Жаль, конечно, что костюма настоящего нет, хотя ковбоек вполне приличных мама нашила несколько штук да брюки от старших братьев и дяди Геннадия достались по наследству вполне нормальные. «Ничего, – думал Лёшка, – вот пойду работать и костюм купим, и маме шубу каракулевую куплю и платье в горошек, и туфли настоящие замшевые на высоком каблуке…» Такой одеждой и обувью он любовался на самом модном человеке в школе – учительнице английского языка, Бэлле Семёновне, приехавшей с мужем из-за границы.

Александр Витальевич прямо в учительской обнял Лёшку, расцеловал: от него пахло никотином и немножко вином. Повёл его в кабинет директора школы. Начал несколько торжественно:

– Вот, Сергей Иваныч, Лёшу Сапрыкина привёл, почти медалист из средней школы. Решил он семье помочь, начать работать… Я уже с Михалёвым, начальником кадров комбината, переговорил. Он, конечно, возбухал, мол, устал от малолеток, возни, мол, туда – сюда, но против медали – не попрёшь, смирился, возьмут парня в ремцех учеником токаря. А помните, как Вадька Михалёв у нас учился, двоечник, несчастный… Сейчас, футы-нуты, начкадров, на машине ездит, а институт так и не закончил, пижон, только на техникум ума и хватило…

– Александр Витальевич, причём здесь всё это? При мальчике, опять же, – недовольно пробурчал директор. – Ну, что ж, Алексей, раз решение принято, будем оформляться. Вот прямо к классному руководителю десятого «Б», Чернышёву А. В., и попадёте. Он за вас поручился… А вы, Александр Витальевич, проследите за своим другом по рыбалке Михалёвым, чтобы все условия для подростка создал. А медалисты у нас каждый год бывают, в прошлом – сразу двое, Акопян Света, контролёр стройуправления комбината получила золотую медаль, а Саша Спиваков – музработник детсада и яслей – серебряную… У меня вопросов нет, оформляйтесь побыстрее, Алексей. Каждый просроченный день уменьшает ваши знания.

– Я догоню, – сказал подросток, – спасибо, конечно, вам большое… Александру Витальевичу, спасибо…

– Полно, друг мой! Вы подписались на тяжкий труд! Покой нам только снится, помните, у Блока? Ни пуха и до скорой встречи. Кстати, я тоже веду в вашем классе историю, так что впереди – много дней общения.

– А мне больше нравится: …на свете счастья нет, но есть покой и воля.

– Александр Витальевич, вы это мне говорите и то, когда наедине мы.

***

Начальник ремонтного цеха Иван Степанович Зосимов, участник войны и тоже, как и учитель, с протезом вместо ноги, с хриплым прокуренным голосом и шрамом на левой части лба, вызвал в кабинет мастера смены. Говорил громко, надтреснутым голосом, словно глухой:

– Вот, принимай ученика, от самогО Михалёва прислали… Не бАлуйте с ним, архаровцы! Саше Калягину отдайте, в бригаду Володи Ухова запишите, – и к Алексею, – комсомолец? Хорошо, у Володьки КМБ (комсомольско-молодёжная бригада), нормальные ребята, правда, сдельщики, как говорят, не потопаешь – не полопаешь. Пашут как черти, но зато и при деньгах. Так что не отставай, догони и перегони их.

Нормировщица Клава, миловидная женщина с высокой причёской и яркими от помады губами, эффектно выделяющаяся на фоне железяк и стендов с инструментом, выдала Алексею новенький комбинезон чёрного цвета, положенный только ученикам, рукавицы, толстые, из брезента, всё остальное, сказала, находи сам: обувку, там, рубашку, носки и прочее. Улыбаясь, взяла его за руку и привела в цех, передала токарю, толстому мужчине лет пятидесяти, среднего роста, с интеллигентным лицом и голубыми глазами, одетому тоже в чёрный комбинезон с проймами на плечах и такой же чёрный берет. Тот выключил станок ДИП-200 («Догнать и перегнать» – лозунг тех времён, имеется ввиду, США), представился, скорее, заигрывая с молодой ещё нормировщицей:

– Александр Калягин, ты у меня десятый, парень, юбилейный, а так, если посчитать, полбригады – мои ученики.

– Кстати, токарь-универсал седьмого (последнего в тарифной сетке) разряда, – добавила нормировщица, помахала наставнику ручкой и выплыла из цеха.

– Вот мой стол, ящики для инструмента, – токарь подвёл Лёшку к деревянному сооружению в половину человеческого роста, обитому железом, с двумя дверцами, закрытыми на замок. – Раздевалку покажу позже. За замок не дёргайся, почти у всех они есть, потому как с фантазиями мы, рацпредложения имеем, за которые хорошо платят. А чтобы их не стибрили в чужих сменах, приходится держать замочки. Понял? Проехали и пошли дальше. С начальником и мастером я говорил, ситуацию с тобой представляю. Будешь стараться и головой работать, за три, дошло (!), месяца сделаю из тебя токаря второго разряда. Работа сдельная, обещаю: за сотню будешь получать. Ежемесячно.

До Лёшки пока не доходил смысл сказанного, он лишь слушал и не верил ушам своим, думал: «Мама по две смены вкалывает и получает по 70рэ в месяц, может, чуть больше, пенсия за отца – 28рэ, помогаем брату и сестре – студентам, степуха – копейки, квартплата, одежда, на остальное пытаемся жить. А тут такие деньжищи, светло, тепло и станочки, что надо».

– О чём задумался, паря? – дошли до ученика слова наставника. – Щас перерыв будет, свожу тебя на обед, накормлю, поскольку ты ещё не готов к нашему распорядку, на будущее – имей на питание не меньше трёх рублей: полное первое, второе с мясом, чай или компот. Умножь на двадцать смен в месяц – итого на еду под шестьдесят рубликов набегает. Считаю, многовато будет, особенно для ученика. Да и в бригадах далеко не все в столовку ходят.

Поэтому приносим с собой, из дома, кое-кто даже в тормозках, вплоть до первого-второго блюд. Подумай и ты над этим делом.

Так, не спеша, дошли до длиннющей по размеру столовой, в нескольких окнах выдачи девчата разливали суп, раскладывали мясной гуляш, поджаристые крупные котлеты с картофельным пюре и макаронами, каши (гречневую и пшёнку) рабочие брали отдельно с топлёным маслом. По случаю знакомства, наставник взял сладкий компот из сухофруктов. Сначала хотел поднять стакан, словно для тоста, потом передумал, залпом выпил и, не дожидаясь Лёшки, направился к выходу. «Всё, знакомство закончилось, – подумал подросток, – начинаются будни».

Вернулись в цех поодиночке, Калягин из верхнего ящика стола достал учебное пособие по токарному делу, карандашом пометил 10—12 страниц в разных местах книги и, вручив её ученику, сказал:

– Я не курю, поэтому перерывов не делаю, хотя курилка и находится у моего станка. К сожалению. А теперь садись на лавку и читай, завтра тетрадь принесёшь с карандашом, будешь вызубривать и записывать, что непонятно. И почаще подходи ко мне, спрашивай, я расскажу, покажу на станке, не отрываясь от работы. Так вот проштудируем книгу и за практику возьмёмся, поставлю тебя сначала на револьверный станочек, на ветерана военных времён, а только потом – ДИП доверю. И будешь пахать, аки проклятый.

***

В ремцехе начинали работу в семь утра, трудились восемь часов с перерывом на обед. Потом заступала вторая смена, прихватывающая часть ночной смены комбината. Ученикам до 18 лет, которых в цехе трое, разрешалось приходить к восьми утра, заканчивали они в два часа дня. Так что Лёшка и по утрам нормально высыпался, и в обед уже бежал домой. Мама ждала его, специально взяв на работе это время, чтобы накормить сына горячим супом и картошечкой с селёдкой или солёными огурцами. Мясной борщ или щи варили из супнабора раз в неделю, в выходной день.

После обеда мама укладывала сына отдохнуть, заводила два старых будильника и уходила, через час они попеременно будили Лёшку: он успевал посмотреть задания по урокам и мчался в школу, благо, до неё – всего-то километр. Уроки шли по укороченной программе, но пять предметов успевали проходить каждый день. Мальчишку, вчерашнего школьника, поражала собранность и учителей, и учеников. Алексей учился хорошо, у него практически по всем предметам одни пятёрки. Директор гордился новым учеником, учитель физики и математики Александр Витальевич кряхтел от удовольствия.

На работе не всё складывалось так гладко, как в школе. Владимир Ухов, бригадир, оказался человеком заносчивым и карьерным, ревновал Калягина за везучесть и тягу ко всему передовому: то он новую заточку резца предложил, то уловитель для стружки придумал и теперь не надо делать уборку у станков. Неприязнь бригадира к учителю распространялась и на ученика. И только стоило токарю отлучится на минуту, бригадир тут же находил Алексею какую-то неприличную работёнку: убрать в курилке, подмести, а то и помыть пол в раздевалке, хотя там была штатная уборщица, вынести мусор, когда приходилось идти по длиннющему коридору, где сновали молодые глазастые ткачихи и ученицы школы ФЗО (фабрично-заводского обучения). Они хихикали над молодым мусорщиком, над его вёдрами на телеге.

Но Лёшка молчал, ни разу не пожаловался наставнику, хотя Калягин и сам видел несправедливость по отношению к его ученику. В понедельник станок наставника стоял не включённым: через минуту Лёшка знал, что в выходной Александр ездил к родителям в деревню, колол дрова и поранил руку, здорово, причём, ему дали больничный лист. Ученик открыл учебник

и тетрадь, стал записывать расчёты по нарезанию червячной резьбы. Трудная тема, её обычно выставляют при сдаче экзамена первой.

– Лёх, бригадир зовёт, – хлопнул подростка по плечу ещё один ученик в смене, находящийся на обучении у слесаря. Ухов сидел на крутящемся стуле у фрезерного станка, следил, как полуавтомат нарезает головки болтов.

– Иди помоги Стёпке – слесарю нарезать резьбу, срочно понадобилось сорок болтов, а учитель твой сачкует…

– Как это сачкует? – почти с возмущением сказал Лёшка, – Он руку поранил, больничный дали…

– Посмотрите-ка, заступничек объявился. Иди, не рассуждай!

Лёшка умолк, побрёл к входным дверям, где разместился закуток слесарей. Они стояли у своих верстаков. Степан, худенький, низкорослый сорокалетний мужичок, похожий на дворового хулиганистого подростка, всем рассказывал, как он пацаном бегал на фронт, повоевал малость, но особист вернул его к мамке, подарив на память солдатскую форму и трофейный «Вальтер». Это бывало, как правило, по пьянке, трезвый Степан молчал, особенно про «Вальтер» – ни слова.

– Вставай к соседнему верстаку, бери заготовки… Вот только у меня совковое масло кончилось, касторовое есть, а это закончилось. А их смешивать для прочности резьбы надо… Ты вот, что, пацан, возьми жестянку, ступай к Серафиме – револьверщице, попроси у неё совкового масла, пусть плеснёт тебе чуток, а мы после обеда привезём со склада и вернём ей должок…

Алексей взял стоящую на столе жестяную банку на три литра, спросил, где размещены револьверщицы и пошёл к выходу. В закутке инструментального цеха стояли четыре револьверных станка, в войну на них вытачивали пистоны для взрывателей. На станках работали женщины, бригадиром у них – Серафима, выпускница первого набора ФЗО, проработавшая здесь всю войну по 16—18 часов за смену. Домой уже не ходили, ночевали прямо на сколоченных для них топчанах. Невероятно крепкая на вид женщина под два метра ростом, она так и не вышла замуж, воспитывала племянницу, работавшую с ней в цехе, но у инструментальщиков. Звали её Людмилой, бой-баба, мужчин меняла, как перчатки. Такое поведение родственницы не нравилось Серафиме, она слышала, что мужики прозвали её «Людка – совковое масло». Скверно на душе, но, что поделаешь, не убивать же родную кровь. Хотя женщина не раз преследовала надоедливых кавалеров, нередко била их, зажав в углу тёмного коридора.

Вот к ней и отправили Алексея члены комсомольско-молодёжной бригады, предвкушая хохму дня, а может, и месяца. А чтобы, паче чаяния, даже тень не упала на передового бригадира – комсорга, подлыми делами заправлял Степан, не комсомолец и не коммунист.

Лёшка впервые увидел женщину таких размеров, растерялся, хотел извиниться и уйти, но она вдруг спросила:

– Кого ищешь, сынок?

– Меня послали к бригадиру револьверщиц Серафиме, сказали, чтобы я попросил совкового масла… Мы после обеда привезём его со склада и вернём долг.

– А кто тебя послал?

– Степан, он нарезает резьбу, срочно понадобилось болты… Масло касторовое есть, а этого – не хватило.

– Пойдём со мной, покажешь его. Я целую банку ему дам!

Серафима взяла у Алексея жестянку, подхватила его под мышку и буквально потащила обратной дорогой в цех ремонтников. При подходе к дверям он увидел небольшую толпу рабочих: мужики сияли, улыбались, в глазах озорной огонёк. Серафима плечом затолкнула трёх-четырёх из них в цех, сама ввалилась, наклонясь перед притолокой, спросила:

– А кто Степан?

Все посмотрели на верстак худенького мужичонки. Степан, увидев, что женщина всё ещё держит пацана за подмышки, начал пятиться задом в дальние углы цеха. Не тут-то было: Серафима отпустила Лёшку и сделала несколько гигантских шагов, секунда – и в её руках оказалось горло слесаря. Она била умело: по заднице, по бокам, по рукам и ногам… Упав на пол, Стёпка не мог ползти, стоял на четвереньках и мотал головой, как глупый бычок, которого ударили обухом по голове, прежде, чем зарезать на мясо. Серафима отдышалась, посмотрела на мужчин, сказала,

– Постыдились бы, ведь это ваши дети! Поиграться захотелось, приходите, мы с вами поиграемся! – и вышла в двери, не забыв снова наклонить голову.

***

На следующий день Лёшка с восьми утра демонстративно поставил пустой ящик из-под деталей к стенке Калягинского ДИПа, достал журнал «Юность», который ему принесла из дома культуры мама, и стал читать нашумевшую повесть «Коллеги». Бригадир Ухов подошёл к нему примерно через два часа, попросил журнал, сказал:

– Слышал про этот рассказ, дашь почитать, журнала-то нигде не купишь. А ты где достал?

– Мама из ДК принесла.

– Ты вот, что, Лёх, сидячую забастовку-то не устраивай. Сегодня – завтра пройдут рейды «КП» («Комсомольский прожектор»), взгреют нас за тебя по самое некуда… И Калягину не рассказывай про Серафиму. Побежит к мастеру, тот Зосимову расскажет, г… не оберёшься. Нам дружить надо, я бригадир, у тебя будут экзамены, опять же станок получать тебе, чтоб зарабатывать хорошо… А? И запомни: «совковое масло» – это шутка, и ты проверку прошёл, больше к тебе не пристанут. А щас помоги фрезеровщику на тупой операции, а его я за новыми фрезами пошлю на склад, надо набрать на весь цех.

Лёшка посмотрел на противоположную от ДИПа стену, у которой стоял фрезерный станок, увидел Алексея Мартынова (тёзка, они с ним уже успели подружиться), большого, как медведь, парня, добродушного и улыбчивого, играющего в ручной мяч за сборную комбината. Он недавно пришёл из армии, интересовался у подростка учёбой в ШРМ.

– Хорошо, – весомо сказал Лёшка, – журнал я тебе дам, только с возвратом, железно?

И, не спеша, направился к фрезеровщику.

3. Сколько стоят розы?

Лёшка заканчивал у мастера Калягина ученический срок. Резал болты на револьверном станке, «касторовое масло» отличал от эмульсии, Серафиму вспоминал с благодарностью: после её профилактики не только Степан, все другие в цехе позабыли об издевательствах над малолетками. Раз-два в неделю токарь ставил Лёшку на ДИП с одной целью: нарезать червячную резьбу. Из пяти-шести попыток пока ни разу не удавалось до конца довести дело, приходилось подключаться мастеру. Но на последнем заходе Калягин, молчавший всё это время, сказал:

– Хорошо руки держишь, правильно, не суетишься и не мандражируешь… Значит, скоро дело пойдёт. – И ученик выточил на седьмой раз деталь, да ещё как, с оценкой от учителя: «отлично». А Калягин слов на ветер не бросает.

К десяти утра в цех пришли начальник Зосимов: ходил он плохо, протез у него скрипел, плохо сгибался в колене, поэтому по длиннющим пролётам цехов он нередко разъезжал на механической коляске с рычагами для рук. Все мастера смен тут как тут объявились, Ухов да слесарный бригадир подошли к Калягинскому ДИПу, дядя Митя – ветеран, проползший всю войну рядовым пехотинцем, похлопал подростка по плечу, сказал на ухо: «Не дрейфь. Ты щас лучше всех нас в теории разбираешься. Ну, разве что мастер с ФЗО силён да Саня твой, Калягин. Мы с тобой… Смотри на нас, если что, подмигнём – подмогнём.»

Деталь досталась самая сложная, с внутренней червячной резьбой и элипсообразной головкой. Такую Лёшке ни разу не приходилось вытачивать: всё времени нет, надо «сделку гнать», не до финтов. Начальство постояло у станка минут десять и потихоньку все ушли в коптёрку мастеров: там и чай готов, и сахар, и пирожки, и печенье. Калягин занервничал, когда полработы было сделано, но ему категорически нельзя подходить к станку, даже на расстоянии что-то говорить ученику.

– Пройдись-ка до двери, – сказал хозяину ДИПа дядя Митя, – проветрись, подежурь на атасе, – а сам легонько отстранил Лёшку и встал к станку. Деталь он закончил за несколько минут, вытер ветошью руки и, как ни в чём ни бывало, пошёл к своему токарному гиганту с пятиметровой станиной. Бригадир Ухов вытер платком лоб, Леша Мартынов, фрезеровщик, обнял младшего Лёшку, сказал:

– Отрихтовал мастер, гордись, это – Митрич!

Бригадир пошёл в коптёрку, вернулся вместе с комиссией. Зосимов, мастер ФЗО, сменные мастера – все смотрели на деталь, одобрительно кивали, жали руку наставнику. Общую оценку выставили «отлично», повели Лёшку на теорию. Калягин до того перенервничал, что не мог идти в коптёрку, его Зосимов отпустил, сказал, чтобы он успокоился за работой. Ученик ответил на десяток, не меньше, вопросов, получил заслуженную пятёрку и был возвращён в цех. В комиссию пригласили Калягина и, как потом узнал Лёшка, мастер ФЗО извинился перед наставником: дескать, деталь он принёс с «перебором» по трудности изготовления, это уже попахивало 3—4 разрядами токарного искусства.

***

За Алексеем закрепили старенький, но вполне ещё надёжный (безотказный) револьверный станок, единственный, сохранившийся в цехе. На стенке закрепили табличку с надписью: «Токарь 2 разряда А. Сапрыкин, член КМБ (комсомольско – молодёжной бригады) В. Ухова» Столом с ним поделился Калягин, отдал два нижних ящика, куда и была бережно уложена деталь, выточенная на экзаменах по токарному делу. Душа у Лёшки пела, хотелось бежать на работу, но его сразу поставила на место нормировщица Клава: только с 8 утра до 14 часов

дня и ни минутой больше, за эксплуатацию труда малолетки можно было серьёзно получить по шапке.

Пошли на заказ болты, разные по размерам, поскольку токари – сдельщики подстраивались под нужды ремонтников станков. «А мне какая разница, какие точить болтишки, – думал Лёшка, – правда, с крупными попроще и дело поскорее ладится… Но зато мелких можно, как семечек, налузгать». Готовую продукцию он складывал в брезентовую рукавицу, показывал бригадиру и бежал к Клаве: кто-то из девчат принимали выработку, записывали на его счёт.

В конце очередной недели к Алексею подошёл бригадир, попросил выключить станок, сказал:

– Брат, ты куда гонишь-то? За неделю обошёл всех пацанов… Я понимаю, мы на сдельщине, но отрываться-то тоже нехорошо. А если бы тебе полную смену надо было бабахать? Ты бы загнал нас всех, к едрене фене. Покури, походи по цеху, пообщаяйся пять минут с ребятами, переключись чуток…

– Так я не курю… А с ребятами общаемся в обед, чай пьём, бутерброды едим, за жизнь говорим.

– Понимаешь, Лёх, нам могут нормы увеличить, да, мало ли чего придумают, если мы так будем зарабатывать…

– Так я только ученические и получал три месяца. Хочется по-настоящему заработать!

– Я тебе всё сказал. Смотри, как бы не пожалеть потом, как бы поздно не было…

Калягин через час позвал молодого коллегу к станку, заговорил шёпотом:

– Лёш, есть нормативы, ты их кроешь только так… Значит, и остальные могут работать лучше и быстрее. А они не могут… Или не хотят, людям комфорт нужен, чтоб расслабиться можно было. Ты хотя бы первые месяцы после разряда не гони, встанешь на ноги, тогда и будем диктовать наши условия. А, усёк, малой? На-ка вот, покумекай, из болваночек можно насадки выточить на резец, ускоришь выработку ещё процентов на 30—40. Но это на будущее, я помогу, рацпредложение внесём, всё чин – чинарём… Тогда уж, и Ухов замолкнет.

Сдельная работа заставила бригаду работать без аванса, зарплату получали, в порядке эксперимента, раз в месяц. К окошку кассира Алексей пошёл вместе с Калягиным, наставник почему-то был немного возбуждён:

– Ну, Лёш, с первой получкой тебя! Будь осторожен с деньгами, в раздевалке не оставляй. Хотя ты сейчас переоденешься и домой побежишь, пораньше всех нас. Держи карман застёгнутым… Или дождись меня, вместе пойдём домой.

– Так мне в школу надо, дядя Саш. И мама, наверное, уже дома ждёт, обед сготовила, – отпарировал подросток.

По ведомости, у Алексея выходила сумма в сто тридцать два рубля 35 копеек. У мастера цеха с техникумом за плечами и десятилетним стажем работы месячный оклад составлял сто двадцать рублей. Лёшка расписался в ведомости, кассир пересчитала ещё раз деньги, нашла в столе конверт и сложила их туда, улыбаясь, смотрела на мальчишку, сказала:

– Поздравляю с первой зарплатой! Хорошо ты, сынок, поработал. Маму порадуешь, а денежки убери подальше, не потеряй, смотри.

Калягин растрогался:

– Ну, ты дал жару! Иди сразу домой, я сам проверю твой станок, всё отключу, не волнуйся.

***

Он шёл быстро, почти не чувствуя прокисшую зимнюю погоду, чавкающую под ногами снегом. Слева от дороги высились громады ТЭЦ, он видел сотни огней, в которых плыл красавец белый корабль с тремя трубами на верхней палубе, с музыкой, которая слышалась

только в его ушах, мощные причалы и ленты жёлтых светящихся дорог, уходящих в небо… Он говорил себе: «Всё впереди, жизнь началась, надо бежать, надо успеть… Только куда?!» Лёшка почти остановился, смотрел на мизерные садовые участки нового товарищества, разбитого на склонах оврага, с фанерными жилыми коробками и проржавевшими пожарными бочками, приспособленными для полива, поднимающиеся из траншей чёрные стволы лип, осенью высаженных на субботнике, серо-грязные домишки частного сектора, расположенные справа от него по сползшему к реке берегу и думал: «Как здесь жить и куда бежать? Учиться, в столицу? А может, плюнуть на всё и зарабатывать деньги, много денег, чтобы, наконец, мама отдохнула, чтобы братья-сёстры почувствовали, что в семье вырос мужчина».

И только радость скорой встречи с мамой помогла мальчишке забыть тревожные мысли, ноги сами неслись к рынку, где в овощной секции, в самом углу прилавков, чтобы не погубить на морозе, торговал южными цветами татарин дядя Вазих, которого все звали Вазыхом. Прошёл всю войну, ни царапины, а кисть левой руки потерял, когда на маргариновом заводе налаживал оборудование, плевался-матерился потом, говорил, что руку потерял на фронте, когда вдруг начисто забыл профессию мастера-наладчика. Врачи раздвоили ему кость, и он действовал ею как щипцами. В клешне мог держать ложку, нож, спичечный коробок, ловко выхватывал ею из ведра несколько цветков. Самое забавное было смотреть, когда он вставлял в культю папиросу и курил, щуря глаз, будто заправский пират: только повязки не хватало. Увидел Лёшу, заулыбался:

– Подходи, дорогой Лёшка, рад тебя видеть! (звучало это, примерно, так: «Падхады, дарагой Лошка, рад тэба выдыть!»). Помню твоего отца, любил с ним в парилку ходить. Какой он парщик был! Мы до войны почти каждое воскресенье ходили вместе…

– Помню, дядя Вазых, ты рассказывал… А я прибежал за цветами маме, надо купить по случаю первой зарплаты!

– Слушай, ты настоящий батыр, уже зарплату стал получать! Ай, молодец… Учись, – он посмотрел на сына, которого в народе тоже прозвали Батыром за десять пудов живого веса и походку медведя. Тот приподнялся с лавки, вяло пожал Алексею руку, посмотрел несколько затравленно на отца. – Сидит со мной, бездельник, будто я без него не справлюсь! Ты поздно пришёл, Лёха, остались только розы. Но они очень дорогие… По рублю за штуку продаю. Но Шуре, маме твоей, мы сделаем подарок: ты купишь одну, я куплю вторую, от тёти Мявтюхи и детей наших – подарим третью. С тебя рубль, дорогой… Держи три цветка.

Алексей смотрел на татарина, ничего сначала не мог понять: почему с него берут рубль, а в бумагу заворачивают три прекрасных алых розы. Он достал из внутреннего кармана пальто конвертик, открыл его, долго искал трёшку, наконец, переворошив все деньги, протянул продавцу зелёную купюру.

– Ах ты, Лёша-Лёша, зачем деньги ворочаешь? Ты же на рынке. Я твой сосед, потом рубль отдашь, когда мелочь будет. Спрячь деньги, убери далеко-далеко. Тут всякий народ ходит, очень плохой народ есть… Угыл, – обратился отец к сыну, – проводи нашего соседа до дома, отнеси ему цветы, – и что-то ещё добавил на родном языке.

Когда Лёшка вместе с двухметровым Батыром выходил из овощного павильона, увидел, что за ними проследовали двое худощавых парней кавказской национальности.

Идти-то всего пять минут: дворами, мимо аптеки и вот она, благоустроенная четырёхэтажная общага – муравейник с горячей и холодной водой и паровым отоплением, с кухнями на 12—15 семей. Батыр, обычно молчавший, разговорился по дороге, пригласил Лёшку в воскресенье поболеть за него в Дом культуры: серьёзные соревнования будут проходить, у него нет соперника среди молодёжи, придётся бороться с мужиком – грузчиком из речного порта под сто пятьдесят килограммов весом.

– Если я уложу его, стану чемпионом области в тяжёлом весе, на первенство РСФСР поеду, чтобы, значит, завоевать кандидата в мастера спорта, – Батыр остановился, резко обер-

нулся, почти нос к носу столкнулся с южанами. – Ризван, ты меня знаешь… Если что-то случится в семье Лёхи, я тебе хребет сломаю. Пошёл отсюда, шакал!

– Батыр, ты меня знаешь, я – не фраер, слово даю… Я не знал, что малолетка – друг дяди Вазыха. Не шуми, дорогой, мы все в воскресенье будем болеть за тебя! – Южане, не сговариваясь, развернулись на месте и пошли со двора.

– Спасибо, Батыр! – сказал Алексей, только сейчас осознав, что с ним могло произойти. – я и не знал, что на рынке столько шпаны…

– Это, Лёха, не шпана, бандиты, людей могут резать, шакалы, за копейки. А папа ругает меня, что я сижу с ним на рынке… Разве он справится с такими без руки? Вечером я в ШРМ иду, на тренировку иду или вагоны разгружаю… Так, для разминки и деньги хорошие платят, вчера двадцать рублей заработал. Вместе со студентами капусту разгружали.

На приглашение зайти в гости Батыр отказался, пожал протянутую Лёшкой руку, переваливаясь с ноги на ногу, зашагал к колхозному рынку. В подъезде Алексей вынул из бумаги три розы на длинных ножках, встряхнул их и зашагал по лестнице на четвёртый этаж. Дверь в комнату чуточку приоткрыта, значит, мама уже дома, ждёт его.

– Тук-тук-тук! Кто это дверь опять не закрывает? Ах, это вы, леди, неужели кого-то ждёте, не меня ли? – сын улыбался, в серых с голубыми искорками глазах светилось счастье, от зимней шапки русые густые волосы сползли на лоб.

– Ах ты мой, сокол, пришёл, а я уже заждалась, надо бы уж и на работу бежать, а тебя всё нет.

– Хочу вас поздравить, сударыня! Ваш сын получил первую зарплату, как токарь второго разряда заработал сто тридцать два рубля и аж, тридцать пять копеек… – и вручил маме цветы.

Она их приняла молча, не совсем понимая, что происходит: этот торжественный тон, три алых розы, какой-то конверт ложится на стол. Комната погрузилась в тишину. Мама растерялась, мотала головой из стороны в сторону, руки, обхватившие фартук, медленно поднимались вверх. Зажав рот, она едва слышно проговорила:

– Боже мой, живые цветы… Какие розы! И три моих зарплаты за месяц получил сын. Дай я тебя расцелую, кормилец ты мой… Как жаль, отец не видит, как бы он порадовался. На ноги встанем, сынок, пойдём по жизни твёрдо. Только ведь и учиться надо…

Мама ещё что-то говорила, обнимая и целуя сына, измочила его слезами, тут же вытирала лицо концами фартука, снова целовала глаза, щёки, волосы, приговаривая: «Мужчина в доме появился, скоро и старшего брата догонишь… Только из дома не уезжай, как остальные дети. Я умру одна, без тебя, сынок…»

– Мам, ну, что ты говоришь, успокойся, – сказал Алексей, зачерпнув литровой банкой воды из ведра и ставя в неё розы, – ну, куда я поеду, учиться надо-надо, работать надо-надо, а институтов и у нас в городе навалом… Вон, в наш, базовый, с тройками берут и отделение есть моё: обработка металлов резаньем…

Мама почти успокоилась, смотрела, как сын поставил на середину стола цветы, потом стал пересчитывать деньги, достав их из конверта: сложил аккуратной стопкой, пододвинул на край стола, ближе к ней, сказал:

– Ма, давай супа, есть хочу, как из пушки!

4. Агитбригада

Над худсамодеятельностью комбината почти десять лет шествовал актёр драмтеатра Иосиф Продэр. Профком приплачивал ему деньги, нечасто, но приличные. Почти каждый сезон труппа выпускала один спектакль, главреж искал, как правило, пьесы с большой массовкой: столько желающих приходило на занятия театрального кружка. На актёре висела и агитбригада, которая примерно раз в квартал выезжала с концертами и лектором общества «Знание» в подшефные колхозы-совхозы.

Как-то ещё осенью светило местной мельпомены Иван Шадрин, которому единственному из труппы драмтеатра разрешалось играть на сцене вождя мирового пролетариата, сказал Иосифу, что видел на конкурсе чтецов паренька, правда, репертуар у него – не популярный: отрывок из Льва Толстого – ранение князя Болконского при Аустерлице, слушали плохо и зал, и судьи. «Но я прослезился, а меня взять трудно… – подытожил разговор пожилой актёр за рюмкой водки с Иосифом в театральном буфете. – Пока собирался, то да сё, узнал, что он сбежал из школы на комбинат. То есть, у тебя он сейчас. Найди его, где-то в токарях-слесарях он, приветь… Я-то думал, год-два обкатаю его в студии и в Щуку отправлю, целевым, так сказать. Не получилось, дёргать его с работы – не вытяну, ему кормиться надо, а в массовках не заработаешь да и мал он ещё. Но голос – душу выворачивает…»

Актёр не поверил пьяненькому коллеге, чтеца не искал, но инструктору из профкома Эльзе Троян всё же сказал, чтобы она приглядела к подросткам, пришедшим на работу осенью. А у той – не было полутонов, команду принимала сразу, исполнение доносила незамедлительно:

– В ремцех поступил Алексей Сапрыкин, десятиклассник, учеником токаря пробудет месяцев пять-шесть, в прошлом году вошёл в десятку финалистов городского конкурса чтецов, – отрапортовала Эльза, – какие будут указания?

– Да никаких, пусть профессию получит. Но держи его в поле зрения, может пригодится, – сказал Иосиф.

И про Лёшку забыли. Да и ему некогда: смена, чуток отдыха и занятия в школе, утром – опять на работу. Но профкомовская дама держала руку на пульсе: кадры доложили, что ученик успешно сдал экзамены, работает самостоятельно. За станком часто читает Маяковского, Твардовского, местных поэтов. «С ним не соскучишься, – подумала, улыбаясь Эльза, – пора вести его к Продэру на прослушивание.»

И повела, хотя Лёшка сопротивлялся, как мог. Куда там: мастер смены лично выключил его станок, заставил умыться, переодеться и проводил в административный корпус, где располагался профком. За самым большим из пяти канцелярских столов сидела худенькая востролицая женщина без возраста, смоляные крашеные волосы завиты в мелкие колечки, в ушах и на пальцах сверкают украшения. Она улыбалась, не вставая, протянула руку Алексею, хорошо поставленным голосом сказала:

– Рада познакомиться, Алексей. Сейчас подойдёт Иосиф Наумович, наш режиссёр, между прочим, заслуженный артист РСФСР, пройдём в красный уголок для прослушивания… Ты подумай, что можешь прочесть.

Молодой рабочий, ничего не понимая, думал только об одном: на фига, ему-то вся эта канитель, работать надо, в школу ходить, уроки делать и маме помогать… Двери открылись и высокий человек с львиной гривой пегих волос (тёмный каштан с серебром) и длинным носом стремительно очутился рядом с Лёшкой, сказал громко:

– Привет-привет, вот ты какой! Эльза, куда пойдём?

Женщина вышла из-за стола, повела мужчин по коридору. В красном уголке была приличная сцена, лёгкий, но видно, что дорогой, занавес, стояла трибуна с микрофоном и динамики-усилители.

– Ну что, что… Сначала расскажи о себе. Кто ты, что ты? – Продэр, потирая руки, уселся в первый ряд зала, рядом с ним расположилась Эльза: она такая маленькая, так аккуратно положила ножку на ножку, что половина кресла оказалась свободной. Лёшка смотрел на неё и чувство жалости полностью овладело им: хотелось приласкать эту женщину, погладить по вьющимся волосам, что-то сказать тёплое, ободряющее. – Ну-ну, я слушаю, молодой человек…

Алексей, всё ещё медленно соображая, рассказал, кто он, откуда, как учился, стал рабочим, что ходит ещё и в вечернюю школу.

– Семнадцатый идёт, так? Не густо, tabula rasa, как говорят, но зато всё впереди, если Шадрину не привиделось… Что хочешь почитать?

– Ничего, – сказал Лёшка, – мне бы, это, работать пора, станок стоит…

– Не хочешь, значит, артистом стать? – актёр выждал паузу, но по выражению лица подростка понял, что тот плевать на него хотел, – ну, ладноть, насильно мил… Прочти самый любимый отрывок из Аустерлиц, пару минут задержу и беги к своему героическому станку или как там его пролетарии называют?

Лёшку постепенно охватила злость на этого холёного хлыща, поднявшись на сцену, он постоял пару минут, сосредоточился и выдал отрывок, где раненый князь, упав на спину, смотрит в бездонное голубое небо и вся жизнь проносится перед ним: всё суета, ничего нет, кроме этого бесконечного неба…

В полной тишине Лёшка спустился в зал, облокотился поясницей на выпирающий брустверавансцены, смотрел на Эльзу. Глаза у неё повлажнели, она достала из кармашка на платье платочек, держала его у носа. Режиссёр сказал:

– Кто с вами работал над этим отрывком, молодой человек? Актёр нашего театра, кто?

– Учительница литературы, Ольга Николаевна Фарфоровская…

Продэр посмотрел на Эльзу, та пожала плечами, промямлила:

– Узнаю, это подшефная школа, нет ничего проще. Но она явно не из тех, откуда у нас…

– Не скажи, в войну в город перевели часть институтов академии, театров, семья вернулась, а она могла выйти замуж, остаться, да мало ли что.

– Извините, мне пора идти, – сказал рабочий и пошёл к двери.

– Спасибо… Только вот что: вас зовут, кажется, Алексей? Вам надо серьёзно заниматься актёрским мастерством. У вас уникальный тембр голоса, правда, много ещё подросткового, срывающегося, но читаете вы потрясающе… И именно прозу, прав был, мой друг Иван Шадрин, вас надо забирать в студию и готовить в театральное училище.

– И вам, спасибо, за внимание, – произнёс рабочий, – но мне, правда, давно пора бежать…

И, не медля ни секунды, Алексей вышел в коридор.

***

Ни в какую актёрскую студию Лёшка, естественно, не пошёл, не до того было в конце зимы и начале марта: полная реконструкция отделочного производства заставила цех работать в три смены. Но на 8-е марта, тем не менее, по указанию профкома, режиссёр собрал агитбригаду, устроил несколько контрольных прогонов часового концерта и Эльза повезла самодеятельных артистов в подшефный район. Алексея назначили ведущим (слово «конферансье» никто не решался произносить), ему выдали чёрные костюм и туфли, две белые рубашки и бабочку. А он ходил жаловаться к мастеру смены, просил, чтобы его оставили в покое, но честнее всех в этой ситуации сказал Саня Калягин: «Начальству виднее, куда тебя заслать. Плетью обуха…»

Выступление агитбригады начиналось с приветственного слова, которое от имени рабочего класса произносила инструктор профкома Эльза Троян. Она очень походила на комиссара революции, только кожаной куртки и револьвера не хватало. Потом получасовую лекцию о соблюдении прав женщин на Земле читал молодой кандидат наук из вечернего отделения текстильного института при комбинате, член общества «Знание» Владимир Гусев. Вопросов из зала, как правило, не поступало, все с нетерпением ждали концерта. В феврале деревни и сёла так заметало снегом, что хлеб привозили с перебоями, соскучился народ по живому слову, общению. А тут, на-ка, почти три десятка артистов, живых, с баянистом и собственным микрофоном.

Первой на пути автобуса с артистами выпала деревня Морозовка, стояла на берегу реки, но клуб размещался в конце небольшой улочки, куда и подвезли ящики с костюмами. Две красавицы-солистки, Таня и Зоя, помогли ведущему одеть костюм, застегнули запонки на рукавах рубашки, поправили чёрную бабочку, сказали: «Ни пуха!» Занавеса на сцене не было, все артисты ютились в боковой комнате с дверью, переодевались за двумя приставленными друг к другу шкафами. Алексей вышел на сцену, посмотрел в зал, в котором не гасили лампочки – не было специальных прожекторов, громко, с улыбкой сказал:

– Добрый вечер, дорогие труженики села! Агитбригада комбината «Красное знамя» горячо и сердечно приветствует вас на нашем концерте… В канун праздника восьмое марта мы желаем всем женщинам колхоза «Гавриловский» трудовых успехов, здоровья, счастья вашим семьям, любви и мира!

Зал взревел, буря аплодисментов, Лёшка засмущался, не ожидал такой реакции: собралось человек триста, половина, если не больше, дети. Самые маленькие из них ползали по проходу, сидели на полу возле сцены, снизу вверх смотрели на конферансье. «Давай, парень, жарь!!», «Вдарь им, по самое некуда», – выкрикивали нетерпеливые зрители, – «Байку расскажи, посмеши, народ…»

– Послушайте «Стихи о советском паспорте» Владимира Маяковского, – зал затих, слушали внимательно, глаза широко открыты, детей с проходов, чтобы не шалили и не кричали, взяли на руки. Хлопали хорошо, искренне, по лицам было видно, что чтец им понравился. Алексей продолжил концерт, объявив:

– Мастер отделочного производства Станислав Поздняков исполнит на гитаре мелодии из оперетты «Корневильские колокола».

Как играл Станислав Иванович, красавец-мужчина испанской внешности, с чёрными усами и копной седеющих на висках волос. Ему – уже под шестьдесят, половину жизни он играет попурри на мелодии из этой оперетты. Зал долго не отпускал музыканта, кричали: «Бис! Браво! Ещё сыграй…» Лёшка выходил на сцену, показывал рукой на гитариста и просил его ещё поиграть, хотя бы пару минут.

Потом вышел дуэт красавиц, Татьяна и Зоя, ткачихи замечательно спели: «А снег идёт…", «Ландыши», «Синенький скромный платочек». Монолог деда Щукаря из Шолохова прочитал монтажник элетроцеха Сева Стулов, борьбу «Нанайские мальчики» исполнил на «бис» ремонтник прядильного производства Николай Зеленко. Зал замер, когда нанайцы спрыгнули в зал и продолжили борьбу в проходе между стульями. Николай вдруг вскинул руки, на которых он ходил, и все увидели одного борца. Дети заплакали, наверное, от испуга, а, может, от огорчения, что их обманули.

Алексей прочитал отрывок из «Василия Тёркина», все смеялись, долго не отпускали артиста. Лёня Горовой, музыкант и концертмейстер, исполнил на большом белом баяне «Токкату и фугу ре минор» Баха. Но дети уже устали, немножко стали баловаться, родители шлёпали их по попам, шикали, но дослушали музыку до конца. Дуэт – юноша и девушка – покорил всех бальным танцем выпускников школ. Солисты ансамбля песни и плясок комбината, брат и сестра Валерий и Наташа Тюленевы, прекрасно смотрелись в белых одеждах. И вот на сцену

вышел настоящий артист, лауреат многих конкурсов, солист облмузтеатра, которого Продэр сумел уговорить съездить «на халтуру» – Станислав Железняк. Прекрасно пел арии из оперетт, но особенно понравилась всем сольная партия мужа Татьяны из оперы «Евгений Онегин». Солиста сопровождал Лёня – баянист, сумевший в этом номере заменить целый оркестр.

У всех – приподнятое настроение, переоделись, пошли в просторный дом в центре села, где располагалось правление колхоза. Во весь вестибюль – накрыт стол. Чего только на нём нет, но самое заметное блюдо разместилось посередке: запечённый поросёнок. Водка стояла дорогая, под «Белой головкой», несколько бутылок портвейна «Три семёрки» явно проигрывали крепким напиткам. Руки мыли под рукомойником, полотенце передавали друг другу. Все умирали от голода: ехали по зимней дороге около пяти часов, сразу – концерт, во рту маковой росинки не было. Лёшке досталось место между Железняком и Эльзой, тёплый мамин свитер с высоким горлом мешал есть и даже говорить. Эльза, увидев мучения конферансье, встала, заставила Лёшку поднять руки и тут же буквально сдёрнула с него свитер. Стол не заметил подобных телодвижений, все так хотели есть, что забыли даже выпить.

Наконец, председатель колхоза, длинный и худой мужчина в очках, работавший до того, как позже выяснилось, главным зоотехником, сказал тост, поблагодарил артистов за праздник для всего народа и… для детей. Так и сказал про детей. Все стали пить водку, а Лёшка вообще ничего не пил, хотя маленькая соседка налила соседу полстакана портвейна. Ему достались кусочек поросёнка, полкурицы, много солёных огурцов, помидор и картошка, ещё даже горячая. Ел он жадно, но не частил, тщательно пережёвывая вкусное домашнее мясо. Эльза поднесла к его стакану свой, с водкой, пригласила выпить. Лёшка, почти не пил, так, иногда шампанского пару глотков за компанию сделает, все знали об этом и не приставали к парню. Но здесь ему не захотелось позориться перед дамой, они выпили до дна почти одновременно.

Тостов говорили много, Эльза выдала пламенную речь о спайке города и деревни, налила Лёшке ещё полстакана вина и заставила выпить. Он схватил с тарелки белое яйцо и попытался откусить от него кусочек. Соседка чуть не упала со стула от смеха: яйцо было неочищенное. Потом она сказала громко:

– Кто самый трезвый? – после паузы добавила, – похоже, конферансье. Я похищаю его на полчаса, мы сейчас вернёмся, только принесём из клуба микрофон…

Зачем понадобился микрофон, что с ним делать на ужине, никто не уточнял, все опять занялись делами за столом и разговорами. Эльза надела на Лёшку свитер, тёплое зимнее полупальто, шапку и они пошли в клуб. Естественно, заведующая клубом собралась их проводить. Инструктор спросила:

– Он что, закрыт? – завклубом кивнула, – тогда дай ключ, мы сами управимся. – И смело пошла по скрипучему снегу. Её окликнул водитель автобуса, дядя Сева:

– Эль, я всё уложил в машину, аппаратура в салоне.

– Отдыхай, дорогой, смотри, чтоб не перепились, утром – едем… Я скоро вернусь.

Лёшка поплёлся за ней. Он посмотрел на небо, увидел миллионы больших и малых звёзд, глубокую черноту небесных сводов, размытые хвосты галактик. «Что её понесло в клуб? – думал парень, – и почему я оказался самым трезвым? Вон, Лёня Горовой, совсем не пьёт, по болезни, а она меня выбрала… Странно.»

***

В клубе только на сцене горела лампочка, вестибюль уже остыл, а зал до сих пор дышал теплом сотен людей. Эльза прошла на сцену, резко повернулась, стала декламировать: /«Не любила, но плакала. Нет, не любила, но все же. /Лишь тебе указала в тени обожаемый лик. /Было все в нашем сне на любовь не похоже: /Ни причин, ни улик…»/ Поманила пальчиком Алексея, и, когда парень поднялся по короткой лесенке на сцену, буквально бросилась к нему на грудь, повисла на шее, пытаясь дотянуться до губ. Лёшка почувствовал сильный

запах алкоголя, его немного мутило, но он понял: от инструктора профкома не удастся отделаться. Подхватил её за подмышки, приблизил к лицу и неумело поцеловал. Эльза тут же показала, как надо целоваться. Почти одновременно с поцелуями расстегнула пуговицы на пальто, сорвала его с напарника, расстелила на полу подкладкой вниз…

Какое-то безумие длилось около получаса: женщина учила партнёра премудростям любви жёстко, молча, сосредоточенно, лишь изредка вскрикивая и приговаривая: «Это делается вот так! Меняем позу, малыш, так меняют жизнь… Ох, как ты свеж, юн и долговечен… Я в восторге, лучшие минуты жизни!» Потом лежали на спинах, смотрели в потолок, на лампочку. Отдышавшись, Эльза стала гладить грудь, живот… состоявшегося мужчины. И всё повторилось сначала. Только теперь Алексей уже имел опыт, он ничего не боялся, не работал по подсказкам, не суетился. Он отдыхал и наслаждался. Ему нравилось занятие, которое из-за робости перед женщинами и за элементарным отсутствием времени он так и не умудрился пережить.

Вернулись в дом правления колхоза часа через полтора, завклубом ждала их. Эльза предала ей ключ от входной двери, сказала, что всё нормально, свет погашен и на сцене.

– Вам сюда, – показала женщина Эльзе на дверь слева, – кровать разобрана. А вам, – обратилась к Лёшке, – к мужчинам, постелили прямо на полу, но натоплено хорошо, до обеда теперь не выстудится…

Алексей, не взглянув на женщин и не попрощавшись, ушёл в открытую дверь. В чьём-то просторном кабинете убрали столы, матрасы расстелены по стенкам, простыни лежали поверх байковых одеял, ближе к подушкам. Разделся он на стульях, стоящих у третьей стены, и нырнул под одеяло, предварительно завернувшись в простыню.

Впереди его ждали пять дней работы и три сотни километров зимних дорог…

5. Пути – дороги

Светлана Ким, молодая, небольшого роста кореянка с причёской в виде корзиночки из смоляных волос, невысокой грудью и стройными ногами, уже несколько лет редактировала многотиражную газету комбината. Творили на четырёх полосах малоформатки рабочие, но писать, в основном, приходилось ей самой. Тяжёл хлеб, ничего не скажешь, но журналистка считала: всё лучше, чем прозябать в школе после окончания местного довольно престижного пединститута. С тонкой тетрадкой токаря Алексея Сапрыкина она не мудрила, репортаж «Семь дней в пути», написанный им по её просьбе, прочитала и сразу отдала машинистке. «Прилично сделан материал, ничего не скажешь, правку закончу прямо в полосе», – подумала Светлана и тут же позвонила в областную молодёжную газету подруге Зое Савиной. Обсудили последние сплетни, наехали на коллег из партийной газеты, которые «задыхаются в удушливых объятиях надзирателей» и только после этого Светлана сказала об открытии перспективного автора.

– А он согласится переделать материал для нас? – спросила Зоя.

– Не сомневаюсь, но пожалей его: работа сдельная, учёба в ШРМ, остаётся только выходной, чтобы отоспаться, если учесть, что ему будет всего-то восемнадцать лет… Интересный парень, но потом расскажу, – закончила Светлана представление возможного внештатного корреспондента.

– Хорошо, пришли черновик, подумаю, что сделать, – подруги попрощались, занятые срочными делами.

Светлана стала макетировать очередной номер газеты. Заголовок лёг сам по себе: «Семь дней в пути…» Потом подзаголовок: «Репортаж нашего специального корреспондента Алексея Сапрыкина о поездке агитбригады в подшефные колхозы и совхозы». Фото всего коллектива по приезде сделал фотограф Дома культуры.

Газету читали везде: в цехах, в раздевалках, в столовой и в туалетах… Калягин пожал Лёшке руку, сказал, не зря, мол, съездили, порадовали народ. Ухов солидно изрёк:

– Тебе точно, ну, как их, в фенологи надо идти, ты, Лёха, не туда попал.

– Фенолог изучает растения и животных, а филолог изучает языки… – сказал с добродушной улыбкой Алексей.

– Языкастый ты у нас, парень, мать-перемать, тебе булку в рот не клади…

Все рассмеялись, шероховатости в отношениях сгладились, да и, в целом, рабочие хорошо оценили заметку коллеги. А через две недели вышел большущий очерк в молодёжной газете за подписью: «А. Сапрыкин, токарь, член КМБ комбината». Ну, вышел и вышел, его мало кто видел и читал, хотя Светлана сама пришла в цех, принесла пять экземпляров молодёжки, сводила Алексея в столовую, вместе попили чаю. Она сказала, что в редакции довольны материалом, просили передать: если надумаешь сотрудничать с ними, заходи в любое время, будут давать разовые задания. И если понадобится характеристика для поступления в институт, они дадут положительную.

Весной, в начале апреля, учитель Александр Витальевич вызвал Алексея на серьёзный разговор, сказал:

– Пора кончать игры с самодеятельностью и прочими увлечениями. Начнём борьбу за медаль, составим график допзанятий, я математику-физику возьму на себя, с остальными учителями договорюсь в частном порядке. Начинай писать сочинения, у завуча забери перечень прецедентов за десять последних лет, она в курсе, сама, как литератор, заинтересована в твоей пятёрке.

Алексей пахал, как проклятый, на экзаменах получил одни пятёрки, но сорвался на сочинении: поставил лишнюю запятую в двух сложносочинённых предложениях, соединённых союзом «и». Ошибка очевидная и, тем не менее, работу долго не оценивали, тянули до послед-

него… Но беда не приходит одна: завканцелярией дирекции обнаружила, что в документах выпускника нет старых оценок по астрономии, тригонометрии, трудовому воспитанию и физкультуре. Срочно сделали запрос в среднюю школу, ответ всех убил: выскочили две четвёрки, которые ему поставили в девятом классе. Они-то и должны были перейти автоматом в аттестат. Всё, finita la comedia, медали не будет… Педсовет решил: за сочинение поставить четвёрку.

Переживал ли Лёшка? Да не особенно, он так устал, что тупо реагировал на всё произошедшее. Александр Витальевич захмелел на выпускном вечере, хотел устроить Лёшке разнос, но передумал, склонил голову на плечо выпускника и заплакал. Домой его отвёз водитель на «Москвиче», дежуривший от комбината. Лешка проводил учителя. Переодевшись, фронтовик сказал абсолютно трезвым голосом:

– Тебе, сынок, с ремцехом надо заканчивать! В августе собирайся сдавать в пединститут, на филфак, подрабатывать будешь в газете и в нашем Доме пионеров, я там в выходные дни кружок веду. К приходу детей надо кучу деталей заготовить, чтобы сборка проходила быстро и весело. Будешь вечерами детали мастерить, за деньги, конечно. Так что на учёбу хватит. Хочешь, я с мамой переговорю, успокою её…

– Я даже не сомневаюсь: мама будет «за»… Только вот здоровье у неё шалит последнее время.

– Придумаем что-то с обследованием, но после августа…

***

Алексею предоставили отпуск: положен, никуда не денешься, прошло почти одиннадцать месяцев с поступления в ремцех. Он никому не говорил, что идёт сдавать экзамены, но разве утаишь. Клава заказывала справку в кадрах, сменный мастер писал характеристику, комсомольский отзыв – оформлял Ухов. Недоброжелатели были, наверное, но, в целом, все по-доброму отнеслись к будущей учёбе Алексея в институте. Калягин переживал, но и радовался: вот, мол, и педагог вырастет из моего бывшего ученика. А то, что Лёшка сдаст экзамены, он ни на минуту не сомневался. «Жалко, Лёх, мучил я тебя, мучил… А ведь могли бы здорово поработать. Но хорошо, что ты решил учителем стать, добрая профессия. Помни, если что, тьфу-тьфу, конечно, тут же возвращайся, мне Зосимов обещал железно: станок оставим за тобой или новый выпишем». Какое возвращайся: все экзамены парень сдал на хорошо и отлично, включая сочинение по Льву Толстому – «Образ народа в романе «Война и мир».

Линейка для первокурсников проходила на открытой спортплощадке института, накрапывал мелкий дождь, ректор и группа преподавателей стояли под зонтами. На Алексее – новый тёмно – зелёный костюм в рубчик, покупали с мамой в центральном универмаге, на бирке – яркая этикетка: «Сделано в Югославии». Как достали, одному Богу известно да директору Дома культуры, которая, включив связи, искренне помогла тёте Шуре – уборщице. Погода подгоняла, речи говорили короткие, поздравляли студентов, желали, убеждали не терять время попусту. Даже на картошке, на уборку которой в колхозы и совхозы послезавтра отправятся триста человек. Пока – до октября, а там, как сложится ситуация.

Студенческие билеты выдавали в учебных корпусах, филфаку, самому многочисленному, определили и самую большую аудиторию, двухэтажную, как в римском сенате. Поздравления продолжались, кафедра современной литературы пригласила именитых и молодых поэтов и прозаиков, почти все они заканчивали этот вуз. Известный поэт, чьи песни пела вся страна, высказал даже крамольную мысль: на базе филфака, где работают два членкора, пять профессоров, десятки докторов и кандидатов наук, надо создать свой учёный совет и отделение советской журналистики. Зал стоя аплодировал поэту.

К полудню дождь прекратился, временами стало появляться солнышко. Оно заглядывало в верхние окна аудитории, скакало по тёмным дубовым доскам длинных столов, выгну-

тых в виде эллипса, сфокусировалось на трибуне и небольшой авансцене. Все присутствующие на торжестве невольно заулыбались, радуясь отголоскам уходящего лета. Алексей тоже чувствовал прилив сил, ему нравилась девочка, сидящая слева от него, с парнем справа он уже познакомился: Слава Кучумов, представился тот, из династии учителей, мама-папа директорами школ работают в самом дальнем районе от облцентра. На плечах соседки – ярко-зелёная кофточка из длинной шерсти, на шее – золотая цепочка с кулоном и дорогим камнем, лицо продолговатое, по Лёшкиным представлениям – просто аристократическое: тонкие губы слегка подкрашены, нос прямой, глаза прикрыты густыми длинными ресницами. Цвет кофты оттеняет прямые бледно – жёлтые волосы, похожие на волокна созревшего льна. Они закрывают уши и почти половину лица. Духи лёгкие, пахнущие первыми весенними цветами и морозцем.

– Привет, – сказала соседка, – как тебя зовут? Можно, я потом поправлю тебе галстук… Ты, наверное, первый раз повязал его?

Алексей растерялся, голос пропал, связки не хотели слушаться. После бурной ночи с Эльзой он больше ни разу не встречался с женщинами, хотя инструктор раза два делала попытки затащить парня домой. Выстоял, но трудно сказать, что ему не хотелось повторения подобного свидания. А потом – просто не было времени, понимал: если сейчас не решит свои проблемы, жизнь пойдёт по – другому пути.

Откашлялся, сказал сиплым голосом:

– Алексей Сапрыкин… Конечно, можно, сроду галстуков не носил, мама упросила. Да, я щас сниму его…

– Не, не стоит, я научу тебя… Я папе всегда завязываю галстуки. Меня Татьяна зову, Татьяна Ларина…

– Ничего себе, вот это – сочетание…

Она полностью повернула голову к Лёшке, посмотрела светло – зелёными смеющимися глазами, добавила:

– Без шуток, говорю, как есть… Папа строитель, он от литературы далековато находится, строил у нас все ТЭЦ, ГРЭС, комбинат. Но Пушкина, конечно, знает. А пошутила, видимо, моя бабуля… Скоро конец выступлениям, пойдём с нами в парк, на реке ещё лодки работают, летние кафешки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.